

Искусство тишины

Марселю Марсо — 80

Елена МАРКОВА

К середине 60-х годов двадцатого столетия популярность Марселя Марсо обрела столь сказочные, фантастические размеры, что дело нередко доходило до анекдотических ситуаций. Как-то первого апреля, в день традиционных розыгрышей, одна из западноберлинских газет опубликовала объявление о том, что в магазины поступила грампластинка с записью спектаклей французского мима Марселя Марсо. Не успели магазины открыться, валом повалили покупатели, желавшие приобрести пластинку, на которой воспроизведено искусство тишины. Паломничество продолжалось до вечера. Несмотря на отчаянные попытки владельцев магазинов объяснить, что это была только шутка, разгневанные почитатели таланта Марсо требовали пластинку — знака увековечения обожаемого ими артиста.

Вскоре после этого нашумевшего казуса вездесущие социологи провели опрос в нескольких странах мира, и Марсель Марсо был признан самым популярным французом. Еще бы это было не так. Ведь, начиная с 1951 года, он регулярно гастролировал по всему Земному шару. В его послужном списке — более шести десяти стран мира, во многих из них (в том числе — в нашей) он выступал неоднократно. До недавнего времени Марсо давал до трехсот спектаклей в год. Продолжает он гастролировать и сегодня.

Этот триумфальный планетарный "бег" взял старт в "Театре де Пош" — самом маленьком театре Парижа в сезоне 1946/47 гг. Именно здесь родился Бип, которого потом все критики мира станут называть alter ego Марселя Марсо. Здесь же тогда двадцатичетырехлетний актер — ученик Шарля Дюллена и Этьена Декру показал свой номер "Юность, Зрелость, Старость, Смерть", положивший начало целой серии философских пантомим. Наконец, вскоре Марсо создал свой театр "Содружество мимов Марселя Марсо". На протяжении более десяти лет в "Содружестве мимов" пестовали и множили богатства стихии актерской игры, доказывая всему миру, что театр имеет собственные средства выразительности и может осуществляться не только в синтезе с другими искусствами (литературой, музыкой, живописью и так далее), но вполне способен и на самодостаточный вариант существования, когда на подмостках царит исключительно сценическое действие, выраженное в актерской игре. С годами на сцене "Содружества мимов" было поставлено более двадцати мимодрам. Самыми знаменитыми из них стали "Шинель" по повести Гоголя, "Ломбард", "Париж смеется, Париж плачет". Осуществление этого уникального театрального эксперимента стоило Марсо очень дорого. Свой театр, у которого даже не было постоянного помещения, Марсо приходилось содержать самому. Вот так и возникла необходимость безостановочно гастролировать по всему Земному шару с сольными спектаклями-концертами. Как тут ни вспомнить банальное изречение: "нет худа без добра", — ведь именно благодаря этой извечной проблеме отсутствия нормального финансирования культуры со стороны государства миллионы зрителей всех континентов Земли получили возможность познакомиться с творчеством Марселя Марсо.

А Марселю Марсо удалось добиться, казалось бы, невозможного, ибо актерское искусство было возведено им до высот, ранее подвластными только музыке — искусству не знающему границ, языковых барьеров и наделяющему людей способностью понимать друг друга.

Неисчерпаемые возможности собственно актерского искусства, которые Марсо демонстрировал в своих выступлениях, прежде всего потрясали. Вот, например, один из откликов, опубликованный в журнале "Театр" в 1961 году, вскоре после первых гастролей французского мима в Москве: "Человек выходит на сцену один. На сцене нет никаких декораций. Грим и костюм актера неизменны и нейтральны: они не служат средством характеристики образа. У актера нет партнеров, с которыми он мог бы общаться. Более того — у него нет да-

же слов. Он не танцует, не поет и обходится, как правило, без музыкального сопровождения.

Можно ли это назвать театром? Окажется, можно".

Правда, эта статья, скромно подписанная одними инициалами — Е.С. — и вроде бы не претендующая на какие-либо особые научные прозрения, выгодно отличалась от большинства тех, что ограничивались выражением общих восторгов. У Е.С. говорилось еще и о том, что "...независимо от возможностей развития искусства пантомимы, как таковой, наши драматические актеры также могут многому научиться у Марселя Марсо. Он показал, сколь выразительна может быть немая игра, каким сильным средством воздействия является жест и как много способен сказать одним движением актер, тело которого служит ему послушным и совершенным инструментом".

Так оно и получилось. За прошедшие более чем полувек концертной дея-

тельности Марселя Марсо и в нашей стране, и в мире, практически не осталось ни одного мало-мальски уважающего себя театра, где бы при постановке драматических спектаклей ни использовали выразительных возможностей пластической образности. Появилась в сценическом искусстве даже специальная профессия, правда, ее все еще именуют по-разному, то — постановщик пластики, то — режиссер сценического движения, но суть от этого не меняется. И крестным отцом ее любой театральный человек сегодня назовет, конечно же, Марселя Марсо. Этого факта самого по себе было бы уже достаточно для того, чтобы имя этого актера навсегда вошло в историю европейского театра как имя одного из великих реформаторов. Но творчество Марсо никак не сводится к деятельности создателя "новых театральных технологий". Язык безмолвной актерской игры, который во многом был изобретен Марсо и который он постоянно развивает и обогащает, не

единственное его достижение. Французскому миму всегда было, что сказать людям на этом языке. Его "безмолвные обращения" к миру столь глубоки и личностны, что в словах лучше самого Марсо их еще никому не удалось изложить. Предоставим же юбиляру возможность высказаться привычным нам всем образом, приведя хотя бы несколько выдержек из его интервью разных лет.

МАРСЕЛЬ МАРСО:

"Огромное влияние на все мое творчество оказала вторая мировая война и участие в Сопротивлении".

"Ночами я часто бродил по послевоенному Парижу и думал о своем детстве, о людях, которых встречал каждый день, об "уличных героях". Мне хотелось создать персонаж, в котором каждый человек мог бы узнать самого себя. Я чувствовал, что слова не давали мне истинного удовлетворения. С их помощью я не мог выразить тех внутренних, подчас неосознанных побуждений, которые постоянно руководят человеком".

(О знаменитом номере "Клетка")

"Клетка" — это пространство, где человек — узник своего одиночества, ограничивающего его свободу. Герой приговорен заранее, даже когда ему удается вырваться из одной такой клетки, он попадает в другую, только большего размера. Это — мир Кафки, смыкающийся вокруг героя".

(О мимодраме "Матадоры")

"В самом зрелище корриды меня заставляет восстать чудовищная жестокость публики, а не матадора. На мой взгляд, основная драма концентрируется в сердце матадора — человека, который должен убить быка: животное хочет жить, но изначально, самим присутствием публики, обречено погибнуть".

"Я согласен с экзистенциалистами, что человеческая жизнь — это постоянная свобода выбора. Но дальше мы расходимся... Для меня этот выбор всегда обусловлен очень большой самодисциплиной и ответственностью по отношению к другим людям..."

"Искусство не может руководствоваться только отчаянием, оно должно указывать путь через отчаяние к радости, ибо отчаяние без надежды — это отрицание смысла жизни".

В сольных пантомимах Марселя Марсо действительно каким-то неизъяснимым "чудесным" образом материализуются самые сокровенные помыслы каждого из нас. Что называется — "тайное становится явным". И всякий раз (иногда не без улыбки, а иногда и не без сожаления) актер напоминает нам, что человечеству еще далеко до того, о чем во всем мире принято просить Бога в вечерней молитве: иначе говоря, что "на Земле" дела обстоят все еще совсем не так, "яко на Небеси". Всякий раз, рассказывая своим зрителям о том или ином человеке, Марсо заставляет задуматься о судьбе человечества. И как бы печальны иногда ни были размышления по этому поводу самого Марсо, после встречи с его искусством зрители всегда испытывают радость, потому что о несовершенстве человеческой души с ними "беседует" актер, знающий цену жизни и необычайно трепетно относящийся к такому хрупкому явлению, как жизнь. Причем, что, впрочем, естественно, с годами это его (и к сожалению, редкое среди людей) качество становится все более и более бесспорным. Поэтому нет ничего удивительного, что и сегодня, когда 80-летний мим выступает, огромные театральные залы бывают переполнены.

И думаю, что не ошибусь, если скажу, что у каждого из зрителей Марсо, а в целом это — многомиллионная аудитория, после встречи с этим актером возникает какое-то особое родственное чувство к нему. И значит, мы можем себе позволить, не рискуя показаться фамиллярными, вполне по-родственному просто поздравить его с днем рождения! А также — еще и еще раз сказать ему слова благодарности и любви, и пожелать всего, чего можно пожелать гениальному художнику!..

Марсо Марселев (80-летие юбилей)

(1979.04.03)